

Савченко В.

«Нет, весь я не умру...»

К сожалению, мне мало довелось непосредственно общаться с Николаем Ивановичем Степановым. Пара кратких встреч и мимолетных бесед оставили, конечно, светлый след и общее теплое чувство об этом человеке (кстати, в последний раз он приходил в музей в связи с юбилеем Костанди, проектом памятника которому он всерьез занимался, да и вообще был, пожалуй, самым большим энтузиастом в деле почтения памяти главы южнорусских).

Но говорить о нем в целом как о личности, даже услышав многое от тех, кто его давно и хорошо знал, не решаюсь. Хотя сейчас очень хочется, чтобы прозвучали слова именно о его многогранной и жизнелюбивой натуре, о душе, столь мощно и ярко запечатлевшей себя не только в творческих дерзаниях, но и в повседневной жизни, любви, дружбе, товариществе.

Правда, пока, как верно заметила искусствовед О.Савицкая, у нас (кроме, вероятно, самых близких – членов семьи) еще нет ощущения ухода Степанова из жизни, еще слишком многое связано с ним, проникнуто его деятельностью и замыслами. Да, к счастью, живы большинство его друзей, соратников, единомышленников, способных с полным правом рассказать о его высокодостойной жизни. И несмотря на то, что памятники, как известно, художники воздвигают себе своим творчеством, убеждена, что удивительные человеческие качества Н.И.Степанова так же, как и его произведения, останутся с нами вопреки разрушительному и беспощадному действию времени. Художник, при жизни отдающий себя на алтарь искусства, после физического ухода из реальности, как бы в награду, получает возможность жить в другом измерении, вовлекая нас своими произведениями в открытый, изменчивый и развивающийся диалог.

На предыдущей музейной выставке «Одесская школа сегодня» наряду с работами ныне здравствующих мастеров были показаны также живопись Людмилы Ястреб и скульптура Николая Степанова. Это было по-настоящему благородно и красиво, соответствуя тому высокому духу товарищества, о котором много ранее проникновенно писал Н.В.Гоголь, вкладывая в уста своего Тараса восхищение пред «священными узами».

Однако, это включение выглядело не только этично и нравственно, но и по сути было глубоко верно в плане определения как оснований, так и настоящего состояния «одесской школы». Причем характерно, что в каталоге к выставке вместо фотографий Л.Ястреб и Н.Степанова были представлены их

работы, так сказать – творческие «автопортреты» - удачно найденная визуальная метафора их современного бытия.

Эта персональная посмертная выставка стала, безусловно, событием в жизни Одессы – масштабным и значительным. И, хотя, разумеется, зритель здесь видит далеко не все из сотворенного мастером, но имеет возможность соприкоснуться с разными гранями его щедро одаренной души. (Многое из представленного в экспозиции оказалось новым и незнакомым даже для степановских собратьев по цеху!) Выставка, собравшая в большом объеме скульптуру Степанова, дает возможность проследить динамику и характер развития этого главного пути в творчестве мастера. Его графические работы, также представленные в экспозиции, которые он по природной скромности показывал очень редко, раскрывают в нем замечательного рисовальщика.

Несомненно, Степанов – одна из крупнейших фигур в мире современной украинской скульптуры, и его творчество в целом заслуживает внимания не только зрителей, но и профессионалов-исследователей.

Но здесь и сейчас, мне хотелось бы лишь поделиться некоторыми наиболее сильными личными впечатлениями, которые родились от встречи с миром степановского творчества. Эти мысли неакадемичны, они не претендуют на выявление наиболее «характерного», «актуального» или «технически совершенного», как это принято отмечать в искусствоведческих аннотациях, и чего, само собой, заслуживают работы Степанова. Это лишь своего рода реплики, которые, возможно, кому-то смогут послужить дополнительным импульсом (не важно – согласия или несогласия) в собственном, подлинно живом восприятии искусства Мастера.

«Пловец» (1982).

Одинокая, щемящая душу фигурка. Вся композиция решена лаконично, вплоть до аскетичности. Фактура дерева в лодке подчеркнута «эскизна», что, с одной стороны, вызывает впечатление первозданной естественности, природности, а с другой, ветхость, разъеденность материала временем напоминают о бренности и преходящести этого мира. Глядя на эту работу, мы сразу настраиваемся на предельный регистр размышлений. На это же направлены максимальная формальная обобщенность очертаний и подчеркнутая конструктивность образа (остро противопоставленные вертикаль фигуры и горизонталь лодки). Работа воспринимается как архетипический символ, раскрывающийся в бесконечности своих смысловых перспектив. Харон, перевозящий души мертвых через воды Стикса... Абрис фигурки как одинокая свеча – символ души, устремленной вверх и в одночасье влекомой в неизвестность неведомыми силами («Я свеча, я сгорел на ветру...»). Душа самого автора, как будто предвидящая его ранний преждевременный исход, оторвавшаяся от столь крепкого и надежного, но не властного над смертью, круга милых его сердцу близких и друзей. Душа,

тихо и неизбежно уплывающая от нас, поскольку «каждый умирает в одиночку».

«Идущий мальчик» (1998) (Из коллекции М.Кнобеля).

Крупная голова, большие глаза, изысканно стилизованный мальчик-египтянин. Спускающийся с возвышения подобно капле, сбегаящей по стеклу. Цельный и хрупкий, одновременно твердый и беззащитный... Этому символу ребенка-подростка у Степанова предшествовал большой ряд более конкретных образов детей - его собственных мальчиков, очаровательных «Пети и Гаврика», из скверика, что возле кинотеатра «Одесса», и многих других, запечатленных им не только в бронзе или дереве, но и в акварелях, рисунках, пастелях. В огромных, широко открытых миру глазах детская доверчивость, чистота и ранимость, в фигурке робость, скованность и все же смелость, решимость маленького человека, отваживающегося сделать шаг навстречу «этому прекрасному и яростному миру».

«Скрута» (1987).

Украинское название, которое не хочется переводить, поскольку оно этимологически очень органично для этой скульптуры. Его (названия) внутренняя форма (от глагола «скрутить») перекликается с формой фигуры, блестяще, с пластической точки зрения, раскрывающей авторскую идею. Мы буквально видим отчаяние и драматизм человека, попавшего в крайне тяжелую ситуацию, хотя работа решена в абстрактном духе.

Но зрительный образ, конечно, богаче тех значений, которые задаются смысловым полем названия. Большая, акцентированная композиционно, голова и обхватившая ее рука экспрессивно выражают не только «скрученность» (внутреннюю подавленность, смятенность и даже загнанность) состояния-положения, но и достоинство, силу, присущие фигуре. Все это дало основания для другого, моего собственного, ее именованья - «Мыслитель».

Этот емкий визуальный афоризм Степанова созвучен паскалевскому определению человека как «мыслящего тростника». Знаменитый «Мыслитель» Родена – это тот, кто, словами поэта, «знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть...». В его фигуре заключены муки и борения титана. У Степанова также несомненен драматизм ситуации, также явственно противоборство великих сил, но здесь приоткрывается иная, хотя тоже исконно присущая нашему бытию составляющая – страх, слабость, «малость» человека пред миром, («кто мы и откуда...?!»), где, как и у тростника наши возможности столь непрочны и призрачны.

«Мадонна»

Хотя речь идет о работе, названной более конкретно и в принципе – в земных категориях – «Беременная» (1969) (из коллекции Т.Максимюка). Представляется, что этот проникновенный женский образ может быть

рассмотрен как прочувствованная из XX столетия интерпретация христианского символа материнства.

Подобно редкой в иконографии итальянского Возрождения Мадонне дель Парто Пьеро делла Франческа здесь, в степановском варианте, Мадонна является перед нами с младенцем, еще скрытом во чреве. Глубокая сосредоточенность и достоинство, нежность и чарующая мягкость, но в то же время некая печать трагизма, ощущаемая уже сейчас, создают удивительно глубокий и острый по своей пластической выразительности образ.

Вообще, в духе степановских работ многое от предвозрожденческих принципов изображения: эксплицитная недосказанность, но очевидная артикулированность мысли с точки зрения выразительности внутренних связей и акцентов. Отсюда характерные для его манеры внешняя сдержанность, благородство на уровне жеста, позы и напряженная эмоциональность и экспрессивность, ощущаемые изнутри.

Вера Савченко, к.филос.н., ст. н. с.
Одесского художественного музея